

Тайны и страсти Марининой

Королева массового сознания
оказалась игрою случая

Виктор ЕРОФЕЕВ

ЗНАКОМСТВО началось с путаницы имен, детских прозвищ, кликух, псевдонимов, что в данном случае свелось воедино. Марина Анатольевна Алексеева не только не Александра Маринина, но даже не Марина, а зовут ее с детства Машей. Маринина — дама-ширма, Марининой в живой природе нет, и понятно, почему, когда Маша читает статьи про Александру Маринину, ей кажется: это о ком-то другом. Точнее, о той, кого люто презирают писатели, кем сбита с толку интеллигенция, кого обожают народ. Из скромности, но без ошибки, она называет свои книги не романами, а «произведениями», себя — не писательницей, а «автором».

Совершила ли Маринина преступление против культуры, играя на чужом для нее поле литературы без знания законов словесных игр? Перешла ли невидимую границу, невольно созданную Гутенбергом, вкладывая в мозг массового читателя свои случайно-приватные мысли? Запад привык к кирпичам криминальных бестселлеров, радикально отделивших понятие «книга» от «литературы», но Россия совсем недавно стала задаваться этими растерянными вопросами. Расследуя «дело Марининой», я пришел к выводу, что таких Марининых в России — пруд пруди, но именно эта соединила в себе трудолюбие, удачу, профессиональный опыт и стала неповторимой.

Успех Марининой, который ошеломил критиков и писателей с грошовыми гонорарами, покоится на четырех столбах. Мощный криминальный фон России делает ее детективы прививкой от смутного, всепроникающего страха. Их серийность привлекает фанов мыльных опер. Подкупает мобильное приобщение читателя к изнанке узнаваемой, всамделишной жизни. Остальное — прокат остро сюжетного канона.

Страсть Марининой к литературе имеет «постыдную», по ее словам, подкладку. В детстве сочиняла стихи об осени и щенках, в юности — любовные романы. Строгий папа-милиционер, как призрак фрейдызма, все время простоял на посту у нее над душой, отравив у дочери обидчивость, комплекс некрасивости, физических дефектов, о чем она сообщила с резкой откровенностью. Так, несуразно большие дымчатые очки объясняются не данью провинциальной моде, а очень слабым зрением: она скорее слышит, чем видит мир. Мечтая стать киноведом, она воплотилась в учебного-криминалиста, звезду системного изучения убийц-насиликов. Большинство клиентов она по-прежнему по-бабски жалеет, валя все на пьянство, над ворами смеется, зато не любит грабителей. Ее либеральная этика, согласно которой «каждый имеет право быть таким, каков он есть» и правомерны лишь вкусовые оценки «нравится — не нравится», похожа на самооправдание.

Она в нем нуждается, как всякий человек случая. Она и не думала писать детективы, уговорил коллега, и вместе, укравшись под зонтиком «Маринина», за 19 дней они родили книгу. Затем стала писать одна, консультируясь с мужем, с опорой на сквозную фигуру женщины-сыщицы, Анастасии Каменской.

Несмотря на грим и ретушь, в Каменской проглядывает автор, да она, собственно, и не скрывается. Никому не ведомая Маринина издала первую книгу в 1995 году, с тех пор вышло двадцать, огромными тиражами и с успехом, перевалившим за границы России. Феномен Марининой в том, что она, скорее, логическое следствие победно завершившегося «бунта масс», чем его организатор. В нее, как в воронку, стекло русское массовое сознание, и когда эта масса застыла, родилась гипсовая королева массового сознания. Но и сама королева оказалась не промах. Она нашла для себя роль «маленькой» инженеру, защищающую автора от упреков. Узнав об ее участии в международной конференции «Женщина и литература» на Сицилии, я поинтересовался, как она чувствовала себя, представляя литературу. Маринина сказала, что «ее душил хохот», она «не навязывалась».

Она и в самом деле «не навязывается», но, если пригласят в пятый раз, ее, пожалуй, уже не будет душить хохот. В отношении большой культуры она выбрала трогательную позицию. Плачет на концертах классической музыки, разрыдалась в музее перед автопортретом Эль Греко. Она не может читать Достоевского, потому что горько плачет, жалея героев: «Достоевский — это то, что разрушает мою нервную систему». Но если нервы милицейского офицера Марининой выдержали поездки в исправительные лагеря для встреч с убийцами, а Достоевского выдержать не могут, то тут либо игра, либо новая ситуация в культуре. Скорее всего, и то, и другое. Читать Булгакова для нее — «работа, большой труд», она не справляется. Если над «Мастером и Маргаритой» хохочут целые поколения образованных читателей, не исключая отдельных милиционеров, то, видно, здесь и проходит водораздел. Набоков ее «раздражает», а на вопрос о любимых авторах она указывает на прозрачных массовому сознанию Александра Грина и Куприна.

Дело не в слезах и смехе, а в установочном преодолении «большой» литературы как «работы», вытеснении ее чтитом. Если раньше система запретов вызывала ажиотажный спрос на литерату-

ру, то теперь Маринина объективно оказывается страшнее цензуры, отвлекая читателя на себя. Российский читатель до сих пор относился к книге всерьез, видя в ней либо инструмент пропаганды, либо вольницу духа. Как ни плоха была советская литература в целом, власть делала ставку на хороших писателей, и отказ в начале 30-х годов от пролетарской литературы был продиктован заботой об уровне. Халтурщиками был забит Союз писателей, но «гамбургский счет» сохранялся всегда. Сегодня, когда распалось единое поле культуры, нет силы, способной остановить Маринину. Вслед за музыкальной попсой, вытеснившей с телеэкрана музыку, явилась литературная. Культура прогнулась — все годится. Вместо Маргариты на метле читатель получает в подарок мусор на совке, милицейский роман на совковой подстилке. На вопрос, сознает ли она, что препятствует литературе, Маринина отвечает с твердой определенностью: «Кричать, что увели мужа, если он разлюбил, — глупо».

Читатель нашел себе новую невесту. В какой стилистике написаны ее книги? Книги Марининой — случайное собрание случайных слов, отчаянно стремящееся оставаться в ладах с нормативным синтаксисом. Она не пишет, а пересказывает на бумаге выдуманный ею сюжет. Любой детектив антагонистичен понятию «проза», поскольку изначально целесообразен. Но книги Марининой, если вспомнить новую французскую философию, — симулякр в чистом виде: имитация несуществующей идеи. Это высокая чистота жанра и как феномен лихая вещь: игра на чужом поле.

Так, собственно, и назван один из наиболее известных детективов Марининой. Может ли сыщик искать контакт с мафией, играть с ней в одни ворота, чтобы разоблачить преступление? В России, судя по жизни, он должен, раз мафия сильнее милиции. Более того, главарь местной мафии, толковый старик-гурман в белом свитере, пекущийся об интересах своего города не меньше, чем о своем желудке, изображен автором как человек, необходимый для продолжения государства российского. Чего не скажешь об интеллигенции. Это детектив о ее преступлениях, по сути, подрыв доверия к ней. В западной традиции герой-сыщик, безусловный эталон благородного поведения, защищает положительные ценности демократического общества, и как бы хорошо или плохо ни была написана криминальная повесть, это условие существования жанра. Маринина же насыщена непереваренными идеями. Когда-то Осип Мандельштам назвал плохих переводчиков отравителями общественных колодезев. Как назвать детективщика, который, пользуясь случайными представлениями о добре и зле, въезжает в массовое сознание и закладывает там мины?

Какие мины? Маринина походя (в разговоре и в книге) опровергает тезис Пушкина, что гений и злодейство несовместны. Шайка преступников по заказу сексуальных маньяков занимается производством садистских порнофильмов. Каменская разоблачает бандитов; режиссером преступных фильмов оказывается талантливый человек. Добывая деньги на съемки «хороших» фильмов в условиях бедствующей России, он хладнокровно устраивает кровавые бани. Вывод: талант — не алиби (массовое, антиинтеллигентское сознание рукоплещет), и ради творчества человек готов на все.

Кроме того, режиссер — лицо кавказской национальности, и, при нынешних распрах, описывая его преступления, Маринина сладко целуется с массовым сознанием, создавая такой образ врага. Выпады против «восточных» людей одним режиссером не ограничиваются, и, когда я задал прямой вопрос, по губам Марининой пробежала улыбочка: это, сказала она, «случайность».

Второй «случайностью» стал главарь садистской банды. Признаться, я вычислил его еще в первой трети книги по нехитрому принципу: им должен быть самый невинный, — и потерял к детективу интерес, но встал вопрос о главной мине. Суперсадистом обернулась милейшая старушка, преподавательница музыки, учительница многих знаменитостей, еврейка Вальтер. Если бы Маринина писала в духе эпатажного юмора, я бы поздравил ее с успехом и записал в «крутые» концептуалисты, которым по барабану социальные ценности. Но не слишком в своих книгах юморолобивая Маринина с ее простосердечным пафосом правдоподобия решает объяснить еврейскую коллизию психологически: при советской власти музыкантше не давали работать по профессии, не пускали за границу (на концерт в Польшу), и она, когда уже советская власть кончилась, начинает мстить за напрасно прожитые годы.

Узрев в старушке, бесплатно обучающей одаренных детей, матерую порнушницу и узнав мотивы ее деятельности, я решил, что Маринина либо сошла с ума от своего инстинктивного противостояния культуре, либо — за пределами антисемитки. На вопросы, как же еврейка стала главным врагом страны, если анонимный город в книге призван олицетворять Россию, моя собеседница ответила, что еврейская тема тоже «случайна». И тут у меня в голове зазвучала старая песенка:

За что ж вы Ваньку-то Морозова?

Ведь он ни в чем не виноват...

Конечно, проше всего признать, что все эти темы и впрямь «случайны». Тогда: да здравствует неудачная психология!